

Борисовка, Корачаговка, Селик, Поперечка, Ларисовка, Николаевка (она же Бычинка), Полкановка, Каменогорка, Дачное, Зеленишное. Когда-то ладные и людные, теперь эти деревни тихо умерли, и даже в самих названиях есть что-то от щемящего душу звука оборванной струны... Мы теперь поём большие новостройки, и они действительно встают, молодеватые и деловые, удаль в них, размах, перспективы. Им мы дали большую волю, ими гордимся. И плакаться о тележном скрипе или там о пажитях, серпе и журавле над гнивающим срубом колодца — упаси Бог! Всё это было, было и прошло.

И всё же...

Случилось как-то с приятелями рыбачить на Тойловке, речушке очень уж робкой и неприметной, хоть и бормотливой на уютных перекатах. Рыбы там мало, это правда, клюёт такая мелюзга, что совестно с крючка её снимать. Но дело не в рыбе, и удочки мы захватили больше для очистки совести (ведь кому скажи, что приехали просто воздухом подышать, — засмеют и не поверят: теперь без смысла и цели многие шагу не ступят).

Придвинулся вечер, немисливо ясный и свежий. Вода потемнела и устало заморщилась. Удилища носы повесили, воткнутые в песок у кромки воды. Мы их оставили в покое, лежали на бережку и разговаривали. Так, ни о чём, говорили о всякой дребедени, начиная с весенних цен на картошку и кончая Бермудским треугольником, в коем таинственно пропадают самолёты и корабли. Вскоре мы помаленьку засобирались, стали поглядывать на часы. Так бы спокойно и уехали, но один из нас — местный житель — вдруг спохватился: «Мужики, а знаете, где мы сейчас находимся? Ага! В Козульском районе, верно. Но точнее — в Борисовке. Вот тут она была когда-то...»

Была деревня. Рожала она и землю пахала, горланила песни и плакала, детей замуж отдавала и мужиков провожала на войну, дымила печными трубами и сено косила — и жила, жила, жила. Но пришло время ракет и химизации —

неумолимое и правильное время. И потянулись люди из Борисовок и Ларисовок. Не сразу потянулись и не все, конечно, но скоро молодые уложили в землю стариков, корни у родных плетней пустивших, и, не таясь, заспешили.

У каждого из нас было детство, а детство-то наверняка пересёк какой-нибудь мудрый взрослый человек, и наша память его задержала. Я, например, ясно, как вчера, вижу такого человека. Имени не помню, но был он лопоухим, улыбочивым и искренне горевавшим, что седина испортила его некогда огненную шевелюру. Он насмерть сражал людей словом «пагинация». Он людям говорил строго: «Это вам не пагинация...» — и они в смущении переглядывались. Позднее я узнал: это не что иное, как нумерация страниц. Но когда знаешь — ничего особенного, а тогда брало за душу, за одно такое словцо зауважашь поневоле... Нам, пацанам, он ничего не рассказывал, он говорил: «Смотрите сами. Шишек за жизнь получите не больше, чем положено. Вам вперёд себя глядеть и радоваться, нам оглядываться да печалиться...»

Оглядываться, жаль, некогда. А иногда это не только полезно, это необходимо, живём ведь сразу набело, а не на черновик, чтоб потом переписать... И ещё от встречи с бывшей Борисовкой осталось чувство вины. Будто обманул я чьё-то ожидание или, наоборот, чужие промахи зачем-то принял на свой счёт. В конце концов и это объяснилось...

Прошлым годом, по осени, накатили на район парни со студии телевидения — снимать натуру, срочно, что-нибудь колоритное, берущее за сердце. Тербят меня: советуй. Но я сам — человек в этих местах новый, плечами пожимаю: мне, допустим, всё нравится, особенно по лету. Им же подавай самое-самое. Старожилы помогли: езжайте на Бычинку. Там хлебá так хлебá, и вокруг от леса, от его красоты закачаешься. Лихо промчали мы десяток километров по уютной, звенящей просёлочной дороге. Трещали камерами, цокали от восхищения языками, место — прелесть, пожалели, что не с палатками и не на отдых приехали. И — обратно.

А совсем недавно по этой же самой дороге ехал я с человеком, который Бычинку эту и Ларисовку мало сказать что помнит — он вырос в них. И что вы думаете? Словно повязку с моих глаз сняли, и увидел я:

«...Вот тут, правее, стояла Крикова берёза. Был такой Криков: отъедет из Чёрной, распряжёт лошадь, пустит её на

траву и спит под берёзой. Чуть дальше — Ильёво закругление. Это уже излюбленное место Ильи Зайцева, тоже на тот манер отдыхал: „закруглялся“ на часик и дальше ехал. А вот Милина гора. Неподалече — поле Кислые пары. А где-то тут ещё поле Тимошкины штаны. Правда, как две гачи, вытянулись ровными полосками. Там роскошные покосы давались. Чуть в стороне — сворот на бывшую заимку Мотвилова».

Людей этих уже нет. Прожили свой век на земле. И места эти, пусть шутливо прозванные их именами, уже освоены давно, на них не один урожай хлеба взят и не одно поколение грибников и ягодников выросло. Но люди те из первопроходцев были. Они положили начало.

«Двинулись в Сибирь семьями. Говорили нам: холода там большие, но и воля большая, и земли — пропасть. Ехали, долго ехали, на Чёрной речке остановились. Сгрузили пожитки, поели, поспали, утром поспрашивали людей, что да как, и с топорами в руках пошли выбирать место для селения. Поперёд нас приехавшие из-за Урала люди уже облюбовали место на хорошей поляне, там и разместилась Бычинка позднее. Потолковали мы с ними, посидели, те и говорят: в двух верстах отсюда можно остановиться, тоже недурное местечко. Вышли мы, огляделись — и впрямь недурно: и речушка, и просторно. Застолбили место. Порешили меж собой: Ларисовка. Сколотили нехитрые избёнки, зазимовали, а зимой лес готовили. И уж жарко было следующим летом, землю мы разделявали и дома рубили навечно, чтоб помех не было главному делу — детей растить».

Этот рассказ отошёл от отца к сыну, от сына — своему сыну. А тот, уже сам седой и поживший, и свои дети растут, горько усмехается: «Мне и рассказывать вроде как некому. Теперь это им без интереса... Хотя и чуткие ребята».

И мне становится понятным, отчего это после встречи с молчаливыми косогорами, где когда-то дымились весёлые очаги, становится не по себе, вину ощущаешь. Я давно не был в тех местах, где детство моё прошло и где успокоился навсегда мой угрюмоватый трудяга-дед. Есть она, связь кровного родства, и жива цепочка от поколения к поколению. Жить поразному привелось нашим прадедам, дедам, отцам. Но двигали они жизнь к лучшему. Просто нам больше посчастливилось. И важно это понять. И своим детям очень важно это передать. Не само по себе счастье подвалило, его потом и кровью добыли.

Вовсе я не плачусь, видите, о давешних временах. Но уж очень крепка в нас немая благодарность предкам за то, что на русской земле радуемся. И когда удаётся хоть к краешку истории своей земли прикоснуться, душа защемит. Подумать только! Какую-то сотню лет назад рубили голубоглазые мужики дома крестовые. А я теперь на том же месте стою. Сжимаю пальцами сигарету с фильтром, и колышет ветерок ворот моей нейлоновой рубахи. Сто лет! «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — нигде прежде это я остро так не чуял.

И тогда о новостройках я думаю с почтением и гордостью: мы тоже не ударяем в грязь лицом. Должно быть, правнукам сегодняшние наши шаги будут казаться не столь размашистыми. Но в благодарности ушедшим поколениям они не уступят. В это чертовски хочется верить — и веришь.

...Вот сейчас приду домой, включу телевизор, кастрюлю на газ пристрою, разворочу кипу газет, транзистор на волну «Маяка» налажу. Сяду поудобнее. Новости, информации, репортажи: кто-то, где-то, что-то взлетают и добывают, плывут и открывают, поют и бьют рекорды. Распирает от гордости.

А из палисадника бьёт в распахнутое окно запах полыни. Горечь её кажется сладкой, ведь она у родного мне плетня приткнулась. А в поле, на месте бывшей Бычинки, взошёл хлеб. В прошлом году там, помнится, такие валки пышнейшие лежали, что не переступить через них. Нам, взрослым мужикам, прыгать приходилось до комбайнов. А хорошо! И выются нескончаемо по нашей земле полузабытые просёлочные дороги, скользят они по полям, мимо опушек и перелесков, ныряют в распадки и растворяются у окраин каких-то полян. Тысячи Анькиных или Гришкиных полей, Федотовых распадков и Ильёвых закруглений. Важно ли мне про всё это знать? Едва ли. И всё же... История земли моей стоит за ними. Поколений след, светло ведущий в сегодняшний наш, в завтрашний день.